

Ци Мумянь решил, что Цзи Сичжао пора проверить голову.

— Ты проделал такой путь только ради того, чтобы спросить, вкусное ли вино из свежих цветов?

Цзи Сичжао кивнул, его выражение лица было совершенно естественным:

— Я сегодня не хочу пить, но мне стало любопытно. Я видел, что ты выпил целую чашу, вот и пришел спросить.

Сказано было так убедительно, что не придерешься. Но он же канцлер! Если бы он хотел узнать вкус вина, разве это было бы сложно? Стоило только обмолвиться словом, и нашлось бы немало желающих доложить ему об этом. К чему было бежать сюда?

Ци Мумянь заподозрил, что тот просто ищет повод прицепиться. Однако Цзи Сичжао выглядел таким искренним, а поскольку они находились на территории Великой принцессы, устраивать скандал не стоило. Тяжело вздохнув, Ци Мумянь ответил:

— Никакого особого вкуса. Слишком пресное.

— О, — понимающе кивнул Цзи Сичжао. — Значит, ты любишь вино покрепче.

Неудивительно, что, сделав несколько глотков, Ци Мумянь скривился: он-то подумал, что вино плохое, а оказалось, что просто не хватило крепости.

Разговор снова коснулся его предпочтений. Ци Мумянь не стал отвечать и, закатив глаза, отвел взгляд.

...

По правую руку от Великой принцессы сидела Четвертая принцесса. Получив знак, она поднялась и с достоинством произнесла:

— Господа, позвольте мне начать. Садовый цветок смеется над юными годами, трава у пруда ярка в весеннем цвете. Но всё же они не сравнятся с цветком гибискуса, что красуется у нефритовой лестницы.

Ниже Четвертой принцессы сидел молодой господин Хань. Как только она села, он встал и сказал:

— Четвертая принцесса по праву считается первой красавицей и поэтессой столицы. В этих строках так тонко и изящно воспета благородная натура гибискуса — поистине шедевр.

На самом деле стихи были самыми обычными. Четвертая принцесса намеренно выбрала что-то попроще, чтобы дать остальным пространство для маневра, но глупая лесть господина Ханя пришлась ей по душе.

Она застенчиво улыбнулась:

— Вы слишком добры, господин Хань. Прошу, теперь ваша очередь.

Господин Хань заложил одну руку за спину, другой указал в пустоту, полностью скопировав

манеры великих поэтов, и звучно продекламировал:

— Зеленый цвет спокоен и ленив, в красном одеянии — то светлый, то темный тон. Сердце цветка полно тоски, разве весна ведает, что на душе?

Весна быстротечна, цветы вянут, зелень тускнеет, всюду запустение и безграничная печаль. Эти строки о том, как увядают пионы после весенней поры, вызывая у людей глубокую тоску.

По сравнению со стихами Четвертой принцессы, эти были куда глубже.

Великая принцесса первой захлопала в ладоши:

— Хорошие стихи, прекрасные стихи!

Господин Хань скромно сел на место, и эстафета перешла дальше.

Ци Мумянь взирал на происходящее с глубокой печалью. Если бы очередь дошла до него, он смог бы выдать из себя разве что: Этот цветок очень красив, он так похож на цветок. Позориться перед всеми из-за отсутствия таланта совсем не хотелось.

Цзи Сичжао, который всё это время наблюдал за ним, внезапно сказал:

— Я могу помочь тебе подобрать стихи.

Глаза Ци Мумяня мгновенно засияли. В повседневной жизни он привык видеть в Цзи Сичжао лишь всесильного канцлера и забывал, что тот был самым прославленным юным гением столицы. В былые времена любая его фраза мгновенно разлеталась по городу. Если он поможет, то эта игра в Летящие цветы станет для него сущим пустяком.

Однако с чего бы Цзи Сичжао быть таким добрым?

Ци Мумянь выразил сомнение:

— Поможешь мне? Каковы твои условия?

Цзи Сичжао немного подумал и ответил:

— Я в последнее время увлекся дегустацией вин. Отдай мне тот кувшин Цю Юэбай, что закопан в твоём поместье.

Цзи Сичжао напомнил об этом, и Ци Мумянь вспомнил. Он закопал этот кувшин, когда ему было десять лет, вместе с другим — Фэн Хошэн. Фэн Хошэн был крепким вином, и он выпил его давным-давно.

Цю Юэбай был слишком мягким на вкус, ему такое не нравилось, так что отдать его Цзи Сичжао было не жалко.

— Договорились, — сказал Ци Мумянь. — Но подбери что-нибудь попроще, слишком сложное я не запомню.

Цзи Сичжао кивнул:

— Не волнуйся, будет очень просто.

Цинь Жун, который до этого подслушивал их разговор, был поражен такой наглой попыткой сжульничать. Он нахмурился и серьезно произнес:

— Господин канцлер, я могу прислать вам кувшин первого класса Ньюэрхун, прошу, помогите и мне тоже.

Раз уж дело дошло до этого, Цзи Сичжао не мог отказать одному и помочь другому:

— Хорошо, договорились.

Время шло, и очередь в игре дошла до Цзи Сичжао. Только тогда все заметили, как далеко он сидит.

Цзи Сичжао поднялся, слегка кивнул в сторону Великой принцессы и мягко произнес:

— Пески тянутся вдоль обоих берегов, ветви качаются, словно волны цветов. При свете луны они белы, как снег, и не найти здесь дома рыбака.

Слои тростниковых соцветий, колышущихся весь день, сливались с лунным светом, создавая призрачные тени и окрашивая весь берег в белый цвет. Блуждая в этой белизне, я потерял дорогу.

Простые строки, но как ярко они описывали бескрайние заросли тростника!

Цзи Сичжао спокойно сел под аплодисменты собравшихся и посмотрел на Ци Мумяня, который мучительно пытался запомнить текст:

— Твоя очередь.

Ци Мумянь как раз старательно заучивал строки, но из-за того, что Цзи Сичжао его отвлек, всё вылетело из головы. Он медленно встал, смущенно прикрыл рот рукой, кашлянул и прошептал:

— Какая была первая строка?

Цзи Сичжао помнил, как в детстве помогал Ци Мумяню жульничать. Он тоже прикрыл рот ладонью и тихо подсказал:

— Не из мира людей.

Его голос прозвучал невнятно, но Ци Мумянь, обладая отличным слухом, разобрал только последние слова:

— Не... не человеческого рода? — переспросил он с сомнением.

— Не из мира людей, — повторил он уже громче, решив, что так звучит вполне сносно, и продолжил: — Перенесено... перенесено...

Цзи Сичжао подсказал дальше:

— Перенесено с самой луны.

— Перенесено прямо с луны! — выпалил Ци Мумянь. Окрыленный успехом, он добавил последние две строки: — Лишь капля аромата из дворца Гуанхань, и горы расцветают вмиг!

Он довольно кивнул и, под озадаченными взглядами гостей, с невозмутимым видом сел на место.

Великая принцесса, повидавшая на своем веку немало, не удержалась от смешка:

— Генерал Ци, ваши последние две строки куда более глубокие, чем первые две.

Это был тонкий намек на то, что первые две строки были просто смехотворны.

Как только Ци Мумянь сел, Цзи Сичжао прошептал ему правильный вариант. Разница в одном слове, а смысл — как небо и земля. Ци Мумянь в смущении округлил глаза, поймав на себе взгляды окружающих, и почувствовал, как лицо заливают краска стыда.

Он поспешно подтолкнул Цинь Жуна:

— Твоя очередь, давай быстрее!

Цинь Жун знал, насколько простые стихи Цзи Сичжао давал Ци Мумяню, но он никак не ожидал, что тот умудрится забыть даже их. Услышав фразу про не человеческий род, он едва сдержал смех. Дождавшись, пока Ци Мумянь закончит, он больше не мог терпеть: прикрыв губы рукой, он сотрясался от беззвучного смеха.

Успокоившись, он встал и быстро декламировал стихи, подготовленные для него Цзи Сичжао:

— Стоит изящно среди чистых вод, любуясь отражением своим. Лишь потому, что не желает знать земной пыли, тонкий наряд не выносит холода весенних ветров.

В этих строках описывалась независимая натура нарцисса. После выступления Ци Мумяня эти стихи вернули игру в нормальное русло.

Великая принцесса рассмеялась:

— Не ожидала, что генерал Цинь так искусен в поэзии, это стало для меня настоящим сюрпризом.

Цинь Жун всего лишь хотел поскорее отделаться, а не получать похвалу. Услышав это, он сдержал улыбку и сухо ответил:

— Вы слишком добры, Ваше Высочество.

Игра в Летающие цветы, длившаяся так долго, наконец подошла к концу. Но возникла новая проблема: как выбрать победителя?

<http://bllate.org/book/19772/1947900>